

«Я не употребляю древние вводные слова...» (о судьбе вводных конструкций в русском языке последнего десятилетия)

Елена Маркасова

Введение

Вводными конструкциями в этой работе называются конструкции, формально не являющиеся членами предложения, иногда произносимые с понижением голоса, в более быстром или более медленном темпе по сравнению с главной частью высказывания и содержащие дополнительную информацию об отношении говорящего к содержанию высказывания или коммуникативной ситуации в целом. Классификации вводных конструкций разнообразны, и нет надобности останавливаться на истории их изучения. Напомним только, что ключевой фигурой в характеристике вводного слова в славистике является фигура говорящего. Эта традиция укрепилась вследствие авторитетности мнения академика Виноградова, считавшего, что вводные слова, словосочетания и предложения противопоставлены всем прочим классам слов и похожи на модальные слова тем, что «так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому».¹ В последние годы подход к изучению вводных конструкций изменился в связи со смещением интересов исследователей в сторону восприятия речи, «грамматики слушающего», теории речевых актов, выявления имплицитных смыслов и пр.²

1 В.В. Виноградов, 1946, *Русский язык*, Москва, с. 229.

2 В.Б. Касевич, 2001, «Теория коммуникации и теория языка», *Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения*, отв. ред. В.Д. Черняк,

Цель нашей работы заключается в том, чтобы сопоставить субъективно-оценочные высказывания информантов, комментирующих современное состояние вводных конструкций, с объективными сведениями о функционировании вводных конструкций, полученными на основе анализа данных Национального корпуса русского языка и ресурсов интернета. Это сопоставление кажется нам интересным и потому, что позволит поставить между анализируемым материалом и исследующим его лингвистом фигуру говорящего, выражающего свое отношение к норме (как он ее понимает) и ориентированного на собственный опыт восприятия вводных конструкций в той же мере, что и на опыт включения их в свою речь.

В качестве базового мы рассматриваем стандартный список вводных конструкций, изучаемый на уроках русского языка в средней общеобразовательной школе. Список был предложен участникам экспериментального опроса, чьи высказывания-рефлексивы послужили основой для отбора материала. Именно по прочтении полученных ответов и возникло название статьи «Я не употребляю древние вводные слова», а затем были сформулированы вопросы: что значит здесь «древние» и как соотносятся высказывания-рефлексивы с фактами функционирования вводных слов?

1. Подход к материалу

Сам подход—коллекционирование рефлексивов,³ т.е. высказываний эмоционального, логического, аксиологического характера, содержащих характеристику языковых фактов, не является новым.⁴

Санкт-Петербург, с. 70–75; Е.В. Падучева, 2007, *Высказывание и его соотносённость с действительностью*, Москва; Е.Г. Борисова & Ю.С. Мартемьянов, ред. 1999, *Имплицитность в языке и речи*, Москва; К. Киселева & Д. Пайар, 2000, *Дискурсивные слова русского языка: Контекстное варьирование и семантическое единство*, Москва; А. Гарнер & А. Пиз, 2000, *Язык разговора*, Москва; Н.И. Формановская, 2006, *Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты*, Москва.

3 Т.В. Булыгина & А.Д. Шмелев, 2000, «Стихийная лингвистика» (folk linguistics)», *Русский язык сегодня*, вып.1, под ред. Л.П. Крысина, Москва, с. 9–18; И.Т. Вепрева, 2002, «Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens?», *Известия Уральского государственного университета* 24, с. 217–28; М.А. Кормилицына, 2003, «Усиление личностного начала в русской речи последних лет», *Русский язык сегодня*, вып. 2: *Активные языковые процессы конца XX века*, под ред. Л.П. Крысина, Москва, с. 465–75.

4 Н.Б. Вахтин & Е.В. Головкин, 2004, *Социолингвистика и социология языка*,

Вопросы для анкетирования разрабатываются ученым на основе его собственного плана исследования, а формулировка задачи диктует способы первичной обработки материала и создание анкеты для информантов. Наш подход к проведению опроса несколько отличается от методов анкетирования, принятых в лингвистической науке. Мы дали информантам тот же материал, который доступен нам, затем на основе систематизации полученных рассуждений информантов выявили список вводных конструкций, которые нуждаются в интерпретации, и только после этого конкретизировали задачи их анализа.

Характеристики информантов, участвовавших в анкетировании в 2006–2009 гг., не были статистически обработаны, потому что состав информантов не сбалансирован: в основном это петербуржцы 1989–1994 г.р., обучающиеся в школах и вузах.⁵ Таким образом, возраст опрошенных не превышал 20 лет. Общее количество—80 человек. Результаты опроса нельзя считать свидетельством общих тенденций в современном употреблении вводных конструкций, поскольку в группе не представлены информанты других социальных групп (возрастных, профессиональных, территориальных и пр.). Однако они достаточны для того, чтобы говорить о самом существовании высказываний-рефлексивов, показывающих отношение к вводным словам, и о своеобразии интуитивного подхода к ним среди молодежи.

1.2. Материалы к анкетированию

Информантам был предложен следующий материал:

Вводные слова и словосочетания,

· выражающие оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, сомнение, неуверенность и т.п.): *конечно, несомненно, безусловно, бесспорно, очевидно, без всякого сомнения, вероятно, по всей вероятности, по сути*

Санкт-Петербург, с. 53–69; Вепрева, 2002.

5 Я очень благодарна ученикам Академической гимназии СПбГУ, студентам СПбГУ, учителям А.Н. Колоскову и Л.А. Спиваковой (г. Санкт-Петербург) за помощь в проведении опроса.

дела, *разумеется, само собой разумеется, может быть, должно быть, наверное, пожалуй, по-видимому, действительно* и др.

· выражающие оценку сообщаемых фактов с точки зрения их общности: *бывает, случается, как водится, как всегда, по обыкновению, по обычаю* и др.

· выражающие эмоциональную оценку сообщаемого, чувства говорящего (радость, удовольствие, сожаление, удивление, негодование и т.п.): *к счастью, к радости, к удовольствию, к сожалению, к несчастью, к удивлению, к изумлению, к огорчению, к прискорбию, к досаде, странное дело, неровен час, чего доброго, как нарочно, как на беду* и др.

· указывающие на связь мыслей, последовательность изложения: *во-первых, во-вторых и т.д., с одной стороны, с другой стороны, наконец, наоборот, напротив, однако, в общем, в частности, кстати, кстати сказать, итак, следовательно, значит, кроме того, например, так, таким образом, стало быть* и др.

· указывающие на приемы и способы оформления мыслей, на экспрессивный характер высказывания: *словом, одним словом, короче говоря, вообще говоря, иначе говоря, так сказать, другими словами, иными словами, лучше сказать, грубо выражаясь, мягко выражаясь, по правде говоря, между нами говоря, смешно сказать, сказать по совести, сказать по чести, признаться сказать* и др.

· указывающие на источник сообщаемого: *по словам, по сообщению, по мнению, по слухам, по сведениям, по свидетельству, по моему, по-твоему и т.п., дескать, мол, по моим расчетам, с точки зрения, как известно* и др.

· обращенные к собеседнику или к читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым фактам: *видишь (ли), видите (ли), понимаешь (ли), понимаете (ли), пойми, поймите, вообразите себе, извините, простите, пожалуйста, сделайте милость, помнишь (ли), помните (ли), помилуйте, послушайте, согласитесь, заметьте себе, позвольте* и др.⁶

6 Мы взяли за основу перечень вводных слов и словосочетаний из вузовского

Задача была сформулирована так: «Представьте себе, что Вы можете изменить содержание учебника. От каких вводных слов и словосочетаний Вы могли бы отказаться? Какие, по Вашему мнению, нужно сохранить? Почему?»

Чтобы не ограничивать волю желающих высказать свое мнение по поводу вводных конструкций, мы предложили каждому, исходя из его личных прагматических соображений, сузить или расширить список вводных конструкций, которые могут быть полезны для изучения в школе в силу их распространенности. Можно было вычеркивать слова из списка, не комментируя свое решение, менять их место в приведенной классификации, высказывать любые пожелания и предложения по поводу их уместности в определенных ситуациях, встречаемости в устной и письменной речи, давать рекомендации учителю и пр. Этот хаос мнений и суждений о вводных конструкциях стал базой для отбора конкретных языковых единиц для анализа.

2. Результаты опроса и первичная классификация суждений

Как мы и предполагали, некоторые анкеты (всего три) содержали суждения, в достоверности которых можно было усомниться. Их авторы утверждали: 1) «все вводные слова нужны, потому что *всегда* (курсив здесь и далее наш—Е.М.) используются в речи» (1993 г.р., М), 2) «я эти *все слова говорю*» (1993 г.р., Ж), 3) «учебник идеален, каждый пункт и разряд подробно описан, даны примеры» (1992 г.р., М). Эти высказывания выглядят не очень искренними по разным причинам: во-первых, невозможно представить, что *все* вводные конструкции «используются всегда» и действительно можно «все эти слова говорить»: ведь за каждой конструкцией в речи условно закреплена определенная функция, существуют естественные ограничения, связанные с речевыми жанрами, и, соответственно жанрам, уместностью, ситуативной корректностью и пр. Во-вторых, само заявление о том, что «учебник идеален» не является адекватной реакцией на предложенную задачу; видимо, это вежливая де-

учебника Н.С. Валгиной (Н.С. Валгина, 1991, *Синтаксис современного русского языка: Учебник для вузов*, Москва, с. 392), дополнили его некоторыми данными из справочника Д.Э. Розенталя (Д.Э. Розенталь, 1999, *Справочник по правописанию и стилистике*, Москва).

монстрация «почтения» к программе «на всякий случай».⁷ Две анкеты не содержали никаких исправлений, и их авторы объяснили свое нежелание отказываться от каких-либо вводных конструкций тем, что все они могут пригодиться либо для живого общения, либо для чтения художественной литературы, где они точно встретятся:

Признаться сказать, заметьте себе, стало быть, сказать по-вести— нечасто употребляется в устной речи, но необязательно убирать эти слова из учебников, так как их можно встретить в книгах. (1993 г.р., Ж)

На основе остальных 75 анкет были выявлены вводные слова и словосочетания, наиболее часто оцениваемые негативно. Группа конструкций, не получивших никаких оценок, видимо, с точки зрения информантов, считается нормативной по умолчанию. Исключительное место среди результатов опроса заняли работы двух девушек, предложивших изъять из учебников вводные конструкции, указывающие на специфику оформления мыслей или экспрессивный характер высказываний (см. группу номер 5). Одна из них полностью закрасила эту группу черным карандашом, вторая же перечеркнула и написала сверху: «НЕ НАДО».

Информанты высказывали соображения о том, какие вводные слова «раздражают», «бесят», «старомодны», «вышли из моды», «не нравятся», «выглядят странно», «глупо», «довольно глупо», «бесмысленно», «по-старинному», «по-деревенски», «непонятно», «сейчас не встречаются», «встречаются где-нибудь в литературе девятнадцатого века». Все результаты можно условно разделить на группы с условными названиями: «эго-лингвистический» подход (модель «Я так говорю/не говорю, мне нравится/не нравится, поэтому так можно/нельзя») и собственно лингвистический подход (ответы, содержащие замечания фонетического, семантического характера, суждения о коммуникативной целесообразности). Здесь

7 Мы уже сталкивались с подобным «конъюнктурным» отношением учеников, когда проводили эксперимент, связанный с распознаванием риторических фигур. Нужно было составить классификацию примеров, данных учителем, и ученики, выполняя задание, ориентировались на предмет, который вел человек, проводивший опрос. (Е.В. Маркасова & Н.Н. Жук, 2005, «Восприятие эпимоны, полиптотона и дистинкции учениками 6–9 классов средней школы», *Риторика ↔ лингвистика*, под ред. Э.М. Береговской, Смоленск, с. 89–97).

же мы отдельно рассматриваем «исторический» подход, на основе которого предлагается изъять из учебника «устаревшие» вводные слова и словосочетания. Конечно, любое суждение о современном языке основано на личном опыте (и часто не только языковом, но и жизненном), и это особенно заметно в рассуждениях о норме. В этом смысле наше деление условно. Однако различие этих подходов мы видим в том, что при первом просто говорится «я так не говорю», а при втором указывается причина (почему я так не говорю).

2.1. «Эго-лингвистический» подход

В качестве основного критерия информанты ориентировались на собственный языковой и жизненный опыт. Так, например, один из учеников (1993 г.р., М) понял предложение поработать со списком вводных слов как возможность представить себя в определенных жизненных ситуациях (необходимость выразить свои эмоции, оценить степень реальности сообщаемого, указать на связь мыслей, пользоваться чужими услугами), поэтому он не называл вводные слова, а просто анализировал вероятность собственной включенности в такие ситуации:

Выражающие чувства—такими словами я не пользуюсь, т.к. не привык всем о них рассказывать. Выражающие оценку говорящим степени реальности сообщаемого—такими словами я часто пользуюсь объясняя кому-то что-то. Указывающие на связь мыслей тоже использую в объяснениях. И предположения. Словами призыва я пользуюсь редко, не привык других людей чего-то просить также я редко пользуюсь оценки, не люблю оценивать что-то. (1993 г.р., М) (Орфография и пунктуация сохранены—Е.М.)

Его одноклассник (1993 г.р., М) также апеллировал к собственным привычкам, но указал на то, что слова, которые он не использует, ему знакомы:

Слова, которые я знаю и часто встречаю в книжках, но не привык использовать в речи: к несчастью, к удивлению, без всякого сомнения, по всей вероятности, быть может, казалось бы, оче-

видно, видно, сообщают, передают, дескать, мол, кажется. Не знаю, кто так говорит. (1993 г.р., М)

К удивлению, к радости, к досаде,—эти слова я почти не использую в своей речи. Для выражения удивления, радости, досады я использую другие конструкции. *Знать, чай*—я эти вводные слова не понимаю. (1993 г.р., Ж)

Я очень редко говорю вводное слово «*к несчастью*», потому что свои эмоции о чем-то горе я выражаю иначе. (1993 г.р., М)

«*К досаде*»—такого вообще никогда не слышал. (1993 г.р., М.)

Интересно, что авторы комментируют свою позицию исходя из представлений об устной, а не о письменной речи, хотя ограничения нами не устанавливались: информанты самостоятельно интерпретировали поставленную задачу именно так.

Интерпретациям молодых «эго-лингвистов», ориентированных на собственный опыт и предпочитающих обобщенные характеристики («Я не использую все эти слова, т.к. они мне кажутся глупыми, устаревшими, неуместными и не в тему»; «Еще мне не нравится слово „к ужасу своему“») противопоставлены попытки комментировать употребление вводных конструкций с лингвистической точки зрения.

2.2. «Лингвистический» подход: общая картина

В рамках этого подхода информантами выделяются следующие критерии оценки вводных конструкций:

1. «Фонетический» критерий, или критерий благозвучности: «*Собственно говоря*—слишком длинно», «*без всякого сомнения*—долго говорить», «*по чести говоря*—тяжело проговаривается», «*к радости*—как-то странно звучит», «*признаться сказать*—звучит ко-ряво», «*признаться сказать*—вообще ужасно звучит».

2. «Семантический» критерий: «*Честно говоря*»—странное выражение, потому что значит, что ты все говорил нечестно, а стал честно», «я бы убрал *по обычаю*—ассоциируется с племенным строем», «*сказать по чести*—теперь нету такого понятия».

3. Критерий коммуникативной или стилистической целесобразности: «*Пожалуй*—жеманное», «*Дескать, мол*—могут не понять», «*Знать и чай*—это я не понимаю», «Нужно избегать *короче говоря*, потому что здесь встречается жаргонное слово *короче*», «*Стало быть*—слишком книжное», «*бесспорно* я бы убрал из устной речи, а в письменной оставил».

4. «Исторический» критерий: «*Дескать, чай, подлинно, без всякого сомнения*—устаревшее», «*К досаде, напротив, быть может*—устаревшие». «Я не употребляю древние вводные слова *мол, дескать, вообразите*», «*Дескать мол*—так говорят мои дедушка и бабушка, так что устарело». «*Вообразите*—это слово давно не употребляется. Оно сходно со словом *представьте*, «*вообразите* его обрызгала машина—звучит смешно». «Я обычно не употребляю вводные слова древнего происхождения, например: *чай, знать, мол, подлинно*, потому что мне кажется, что они уже вышли из моды. Мы живем в 21 веке», «*сделайте милость*—такое архаичное!».

Наиболее «массовыми» были ответы, основанные на «историческом» и «семантическом» критериях, суждения, опирающиеся на прочие критерии были единичны.

2.2.1. «Исторический» подход

Чрезвычайно интересны попытки описать существующие вводные конструкции на основе «исторического критерия»: оказалось, что его применяют значительно чаще, чем прочие указанные критерии, причем именно при таком подходе мнения информантов часто совпадают. Из перечисленных в анкете воспринимаются информантами как реликтовые следующие конструкции:⁸

без всякого сомнения (16), *бесспорно* (6), *быть может* (2), *вообразите (себе)* (12), *вообще говоря* (6), *говоря по совести* (6), *грубо (мягко) выражаясь* (20), *дескать* (31), *заметьте (себе)* (22), *знаете* (4), *знать*(4), *как водится* (24), *как на беду* (8), *кстати сказать* (24), *к изумлению* (18), *к удивлению* (12), *к (нашему) удовольствию*

8 Номер в скобках означает количество информантов, посчитавших данную конструкцию «устаревшей», «устарелой», «древней».

(14), к (общей) досаде (28), к прискорбью (18), к огорчению (8), к (общей) досаде (30), мол (24), (как) на беду (8), напротив (2), неровен час (28), полагаю (4), помилуйте (30), признаться сказать (18), по всей вероятности (4), по обычаю (18), по обыкновению (12), по сути дела (11), сделайте милость (20), сказать по совести (24), смешно сказать (16), странное дело (8), чай (16).

Кажущаяся произвольность в обращении с этими словами нашла оправдание в Национальном корпусе русского языка.⁹ Среди перечисленных с наибольшим постоянством в качестве устаревших назывались *дескать* (31), *помилуйте* (30), *к досаде* (30), *неровен час* (28), *сказать по совести* (24), *кстати сказать* (24), *мол* (24), *заметьте (себе)* (24), *как водится* (24), *сделайте милость* (21), *грубо (мягко) выражаясь* (20), *признаться сказать* (20), *без всякого сомнения* (16), *к изумлению* (17), *чай* (16), *по чести говоря* (16) *к удовольствию* (14), *вообразите (себе)* (12).

В таблице, показывающей результаты поиска в Национальном корпусе русского языка, даны следующие параметры: вводное слово/конструкция (1), количество документов (2/Д), количество единиц/вхождений (2/В), хронология—самое раннее и самое позднее из зафиксированных в НКРЯ, а также указание на автора или источник (4).

1.	2.	3.	4.
<i>Дескать</i>	Д: 1545 В: 4310	1825–1833 О.М. Сомов	2007 Воспоминания о Воронеже
<i>Помилуйте</i>	Д: 600 В: 1976.	1790–е М.П. Загряжский	2006 А. Архангельский
<i>К досаде</i>	Д: 44 В: 58.	1792 И.А. Крылов	2003
<i>Неровен час</i>	Д: 94 В: 112	1829 М.Н. Загоскин	2006 А. Архангельский

9 Национальный корпус русского языка считается сбалансированным, т.к. пропорционально включает в себя все типы письменных и устных текстов (художественные, публицистические, научные и др.), он содержит разметку, которая делает удобным поиск языковых единиц. В НКРЯ представлены современные письменные тексты (середина XX–начало XXI века), корпус живой русской речи (записи устных текстов того же периода) и тексты середины XVIII–середины XX века (<http://www.ruscorpora.ru/search>).

<i>Сказать по совести</i>	Д: 30 В: 35	1849–1956 Н.И. Греч	2000 А. Архангельский
<i>Кстати сказать</i>	Д: 499 В: 795	1830–1870 П.А. Вяземский	2004 В. Давыдов
<i>Мол</i>	Д: 3421 В: 12255	1836 Н.В. Гоголь	2007 электронная коммуникация
<i>Заметьте (себе)¹</i>	Д: 625 В: 1041	1757 Платон Левшин	2005–2007 электронная коммуникация
<i>Как водится</i>	Д: 627 В: 906	1716–1718 отчет о посольстве Волынского	2007 Воспоминания о Воронеже военных лет
<i>Сделайте милость</i>	Д: 151 В: 279	1777–1778 Д.И. Фонвизин	2004 Д. Донцова
<i>Грубо выражаясь</i>	Д: 8 В: 8	1924 Т.А. Гейер	2004 публицистика
<i>Мягко выражаясь</i>	Д: 72 В: 93	1909 Б. Савинков	2003 В. Балан
<i>Признаться сказать</i>	Д: 79 В: 107	1889 Д.Н. Мамин-Сибиряк	2003 Д. Березин
<i>Без всякого сомнения</i>	Д: 173 В: 252	1739–1850 В.Н. Татищев	2004 М. Деягин
<i>К изумлению</i>	Д: 109 В: 124	1806–1816 Н.М. Карамзин	2004 Р. Билунова
<i>Чай</i>	Д: 15 В: 84	1782 Д.И. Фонвизин	2003 О. Николаев
<i>По чести говоря</i>	Д: 9 В: 9	1927–1928 В.В. Набоков	2003 публицистика
<i>К удовольствию</i>	Д: 109 В: 128	1755 М.В. Ломоносов	2005 Гоар Маркосян-Каспер
<i>Вообразите себе</i>	Д: 100 В: 133.	1793 Н.М. Карамзин	2003 Гоар Маркосян-Каспер
<i>К ужасу своему</i>	Д: 21 В: 27	1847 В.И. Даль	2001 Ю. Петкевич
<i>По совести говоря</i>	Д: 69 В: 80	1846 Ф.М. Достоевский	2003 К. Тоцкий

¹ «Заметьте себе» встречается в НКРЯ 22 раза

Вводные слова действительно различаются по частоте употребления в текстах разных жанров, часть из них на самом деле устаревает, как это интуитивно почувствовали информанты. Для сравнения приведем примеры, отражающие распространенность вводных конструкций, которые, как информанты считают, необходимо оставить в школьных учебниках:

Во-первых: Найдено документов: 5829, контекстов: 12925.

Во-вторых: Найдено документов: 4929, контекстов: 9664.

В-третьих: Найдено документов: 1460, контекстов: 2007.

Наверное: документов: 5612, контекстов: 23322.

К сожалению: документов: 4885, контекстов: 10566.

Конечно: документов: 13916, контекстов: 95089.

Все они очень активно используются в разных жанрах, хорошо знакомы читателям разных возрастов, в отличие от вводных слов, включенных нами в таблицу. Таким образом, можно увидеть, что суждения об архаичности включенных в таблицу вводных конструкций имеют право на существование, а наивные лингвистические суждения не настолько наивны, как казалось при первичном ознакомлении с анкетами.

Утверждение тезиса о «древности» вводных слов может быть обусловлено и тем обстоятельством, что в восприятии молодежи многие вводные слова связаны с языком другого поколения: «взрослых», воспитанных на иной литературе и в другой стилистике общения.

2.2.2. Критерий коммуникативной целесообразности,

бесспорно (6), *быть может* (2), *вообще говоря* (6), *говоря по совести* (6), *заметьте себе* (22), *знаете* (4), *знать* (4), *как водится* (22), *как на беду* (8), *к изумлению* (16), *к удивлению* (12), *к (нашему) удовольствию* (14), *к прискорбию* (18), *к огорчению* (8), *(как) на беду* (8), *напротив* (2), *полагаю* (4), *по всей вероятности* (4), *по обычаю* (18), *по обыкновению* (12), *по сути дела* (8), *смешно сказать* (16), *странное дело* (8).

Для многих информантов актуальным оказалось буквальное значение вводных слов и их потенциальное употребление в соответствующей буквальному пониманию ситуации. В первую очередь, это касается вводных слов, обозначающих эмоции, а также уверенность-неуверенность. Эти слова очень часто входят в состав этикетных выражений, не предполагающих их буквальное понимание. Таковы, например, вводные конструкции *к сожалению, к несчастью, к счастью, вероятно, к огорчению* и проч. Я думаю, что комментарии, подобные высказыванию «Я очень редко говорю вводное слово „к несчастью“, потому что свои эмоции о чем-то горе я выражаю иначе» показывают, что вырванные из этикетной ситуации, эти вводные конструкции воспринимаются буквально, поскольку в сознании информанта нет ближайшего актуального контекста, связанного с формулами вежливости. Кроме того, «фиктивность», «ритуальность» вводных конструкций могут раздражать в ситуациях, которые предполагают действительное эмоциональное участие собеседника.¹⁰

Например, в высказывании: «К сожалению, мы должны расстаться» можно увидеть — в зависимости от ситуации — разные распределения наличествующего и приписываемого:

1. Адресат сожалеет о расставании, а адресант радуется долгожданному разрыву отношений, но из сочувствия адресату говорит «к сожалению».
2. Адресант и адресат рады разрыву отношений, но сценарии поведения, принятые в обществе, не предполагают выражения радости.
3. Адресат рад расставанию, адресант видит неизбежность разрыва отношений, но пытается удержать адресата демонстрацией «сожаления».

10 «Неужели Вам незнакомо это чувство, когда хочется швырнуть трубку всего-то после третьего-четвертого повтора с легким придыханием: „Ваш звонок очень важен для нас. К сожалению, в данный момент все операторы заняты...?“ М.А. Кронгауз, 2007, «Наносная вежливость», *Ведомости вуз*, <http://www.vedomostivuz.ru/article.shtml?2006/05/05/2835>.

4. Оба тяжело переживают расставание, поэтому адресант, используя это вводное слово, подчеркивает свое понимание адресата. Это вводное слово становится синонимично предложению «мне тоже тяжело».

Кроме четырех названных возможно множество других интерпретаций, связанных с разными формами речевого манипулирования: Адресату безразлично, адресант пытается его шантажировать; адресанту безразлично, но он старается казаться сочувствующим, обоим безразлична ситуация, но такой формулы требует присутствие третьего лица и проч.

Вводные слова выражают не только истинные эмоции, интенции, представления говорящего. В устах адресанта они могут выражать даже позицию адресата, которую адресант хотел бы иметь в результате общения с ним. Так вводные слова становятся сигналом (мнимого) присвоения чужого речевого стиля, стиля мышления, способов реагирования на разные ситуации. В нашем примере только два случая допускают, что вводное слово—выражение эмоций говорящего.

Единство мнений относительно этой группы слов может быть связано еще с одним важным фактором: именно вводные слова часто используются для речевого манипулирования в общении учителя и ученика, и воспоминания об этих манипулятивных речевых актах еще свежи в сознании информантов, а для некоторых более чем актуальны (например: «*К сожалению*, здесь даже не два, а два с минусом!», «*Честно говоря*, не знаю, кто тебе может помочь, кроме репетитора» и проч.).

Имеет смысл отдельно оговорить отношение к вводным конструкциям, обозначающим речевой акт «признания».¹¹ Они вос-

11 Мы не придерживаемся мнения, выраженного в популярной книге А. Гарнера и А. Пиза, которые считают, что, используя слова «честно говоря», «по правде» или «если быть искренним», «собеседник стремится скрыть правду или направить беседу в неправильное русло»: «Восприимчивые люди бессознательно расшифровывают эти слова и интуитивно ощущают, что собеседник пытается их обмануть. Например, фразу „Честно говоря, это лучшее из того, что я могу вам предложить“ нужно понимать, как „Это, конечно, не лучшее предложение, но, может быть, вы все же поверите“. „Я тебя люблю“ более заслуживает доверия, чем „Я действительно люблю тебя“. „Несомненно“ дает повод к сомнениям, „вне всяких сомнений“ звучит более определенно». См. также: Н.Г.

принимаются как связанные с ситуациями, в которых выражения «честно говоря», «говоря по совести» необходимы для разрешения формирующейся (или имеющейся) расогласованности представлений или интересов сторон. «Например: Читали „Анну Каренину?“ — „Если честно, читал“. Я уже слышать не могу». (Е.Д., 1946 г.р., преподаватель). В частности, одна информантка сказала, что ей понятно, что такое «честно говоря», но все равно лучше сказать «по чесноку». Когда ей предложили представить себе употребление предложно-падежного сочетания «по чесноку» в диалоге с начальником на работе, она ответила, что не будет «рассуждать с начальником, что честно, что нечестно». Таким образом она выразила свою ориентированность на норму внутри близкого ей социума — молодежной тусовки, где это рассуждение уместно.

В полученных ответах многое объяснимо возрастом опрашиваемых: это молодежь, для которой социальный критерий выбора нормы более актуален, чем общие соображения «литературности», правильности, уместности. Соответственно, слова, неуместные в рамках молодежного жаргона, отвергаются. Вероятно, и гиперкоррекция, примененная к вводной конструкции «короче говоря» («не надо употреблять, так как присутствует наличие сленгового мотива, нечто хамское и неприличное»), обусловлена тем фактом, что девушка пытается «исправить» конструкцию, чтобы она стала более «литературной», дистанцировалась от современного «короче» (отметим, распространенного не только в молодежной среде).

3. Почему вводные слова им «не нужны»?

Интересно отметить, что школьники очень неохотно включают в свои рассуждения вводные слова и словосочетания. Так, в изложении с элементами сочинения, написанном учениками 11 класса (2005–2006 учебный год), 2 человека использовали по 4 вводных конструкции (*на мой взгляд, по мнению N, наверное, действительно*), 2 человека — по 3 (*например, таким образом (дважды например, один раз — таким образом)*), 2 человека обошлись без вводных конструкций, остальные 10 учеников ограничились использованием

Брагина, 1999, *Имплицитная информация и типы речевых актов (речевой акт «признание»)*, *Имплицитность в языке и речи*, ред. Е.Г. Борисова & Ю.С. Мартемьянов, Москва, с. 95–107.

например, наверное, на мой взгляд (т.е. не более 1–2 вводных конструкций). В сочинении на тему «За что я не люблю Маяковского» 10 из 22 писавших обошлись без вводных конструкций (2005–2006 учебный год). Употребление вводных слов в речи, конечно, очень индивидуально, и, в принципе, понятно, почему так однообразно их функционирование в школьных работах: они нужны авторам из собственно прагматических соображений (привести пример, обозначить источник информации, обозначить или имитировать напряженную интеллектуальную деятельность, сопровождающуюся сомнениями).¹² Этому способствует не только содержание учебников по русскому языку.¹³ Есть и серьезные социально-прагматические причины: современные формы контроля экзаменационных работ по русскому языку и литературе содержат так называемую «творческую часть», которая должна отражать позицию ученика по определенной исходным текстом проблеме. Именно применительно к этой прагматической задаче и обсуждается в школе тема «вводные слова»: с одной стороны, ученику нельзя допустить излишней категоричности высказываний, с другой, — излишней самостоятельности. Поэтому вводные конструкции и воспринимаются как искусственные элементы письменного текста, «выдумка» взрослых, вызывающая протестную реакцию.

Итак, наш опрос показал, что информанты очень чутко улавливают изменения, происходящие в языке: конструкции, отмеченные ими как архаичные, действительно обладают более низкой встре-

12 Очень распространены в рассуждениях школьников обороты речи с вводными конструкциями, содержащие общеизвестные факты, указывающими на самостоятельный характер обнаружения этих фактов. Например: «По-моему, роман «Евгений Онегин» является романом в стихах». Или: «На перемене мы увидели ребят в спортивной форме. Видимо, они бегут в спортзал!»

13 Состав вводных конструкций в «стабильных» школьных учебниках практически не менялся с 1938 года. По этим учебникам учится 86 процентов московских школ, в масштабах страны статистика неизвестна, да и степень ее достоверности была бы крайне низка, так как многие учителя, не согласные с имеющимися программами, чтобы не писать и не утверждать свою, часто используют более устоявшуюся и удобную для проверок «Барановскую». «Барановская программа», или, по-другому, «комплекс Шанского» опирается, в свою очередь, на учебник 1938 года, который долгое время издавался под редакцией Л.В. Щербы.

чаемостью в языке, чем те, которые считаются нормативными по умолчанию.

Ориентиром в оценках актуальности конструкции является личное речевое поведение, причем наиболее жесткой коррекции подверглись вводные конструкции, обозначающие эмоции или указания на этические ориентиры. Причина этого явления кроется не только в самой истории языка, но и в игнорировании многими молодыми людьми возможности открытого обозначения личных эмоций, их «закрытости».

Есть и еще одна причина относительной «ненужности» вводных слов в речи молодежи, странным образом сочетающейся с заинтересованностью в обсуждении этой проблематики. Вероятно, именно в этом возрасте происходит повторное освоение смыслового разнообразия модальностей, «примеривание» к разным ситуациям разных модусных рамок. И если в раннем детском возрасте, как это описывают ученые,¹⁴ освоение вводных конструкций происходит как подражание речевому поведению взрослых, то возраст анкетуемых (14–20 лет)—время обретения «собственных» вводных конструкций, сопровождающееся потребностью в поколенческой и культурной самоидентификации. Отсюда и чуткость в опознании «своего» и «чужого», «современного» и «архаичного».

14 В.В. Казаковская, 2005, *Вопросно-ответные единства в диалоге взрослый-ребенок*, Санкт-Петербург, с. 178–90.